

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

Е. А. Кузьменков

ПАССИВ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Исходным понятием для дальнейших построений будет служить понятие пассивной диатезы, сформулированное А. А. Холодовичем как соответствие между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня [Холодович, 1979, с. 284—285]:

Схема 1

Пассивная диатеза

Субъект (S)	Объект (Ob)
Косвенное дополнение	Подлежащее

Это соответствие реализуется в таких монгольских предложениях: (1) *Дайсан манай цэрэгт ялагдсан* 'Враг побежден нашими войсками'; (2) *Төмөр зэвэнд идэгдсэн* 'Железо изъедено ржавчиной'; (3) *Дорж бодолд эзлэгдэв* 'Дорж охвачен думой'; (4) *Бидний ургахлах зам бол намаар заагдах ёстой* 'Путь, по которому мы пойдём вперед, должен указываться партией'; (5) *Энэ дээл Хандсүрэнгээр өгөгдоно* 'Этот халат будет шит Хансурэн'. В этих примерах субъект, выраженный словами *цэрэг* 'войска', *зэв* 'ржавчина', *бодол* 'мысль, дума', *нам* 'партия', *Хандсүрэн* (имя собственное), представлен косвенными дополнениями: в предложениях (1), (2), (3) это дативное дополнение (в дальнейшем обозначается как $D_{дат}$), оформленное дательно-местным падежом; в предложениях (4), (5) — инструментальное дополнение (в дальнейшем — $D_{инс}$), оформленное орудным падежом.

Таким образом, конкретное воплощение пассивной диатезы для монгольского языка отражается в одной из следующих схем, где подлежащее обозначено как П:

Схема 2

S	Ob
$D_{дат}$	П

Схема 3

S	Ob
$D_{инс}$	П

Схемы 2 и 3 неравноценны по частотности отражаемых ими конструкций. Диатеза, соответствующая выражению субъекта в виде $D_{инс}$, реализуется довольно редко и является, по всей видимости, инновацией. Основным способом выражения субъекта в пассивных конструкциях является $D_{лат}$ (схема 2).

Диатеза, представленная схемой 2, характерна для конструкций, которые образуют глаголы с основой на $-гд$, $-д$, $-т$. Эти три форманта являются алломорфами суффикса пассива и находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: $-т$ присоединяется к основам на [w], [g], [r], например: *авах* 'братъ' — *автах* 'быть взятым', *өгөх* 'давать' — *өгтөх* 'быть данным', *өрөх* 'ставить, расставлять' — *өртөх* 'быть поставленным, подвергаться'; $-д$ присоединяется к основам на [l], например: *олох* 'находить' — *олдох* 'быть найденным'; $-гд$ присоединяется к основам на другие согласные и гласные, например: *алах* 'убивать' — *алагдах* 'быть убитым'¹.

Существуют, однако, и отдельные нарушения дополнительного распределения алломорфов суффикса пассива, что выражается в наличии таких дублетов, как *соносдох* и *сонсогдох* 'слышаться' (от *сонсох* 'слышать'), *автах*, *авагдах*, *автагдах* 'быть взятым' (от *авах* 'братъ').

Пассив образуется от большинства переходных глаголов. Для исходных глаголов характерна активная диатеза, т. е. следующее соответствие единиц синтаксического и семантического уровней:

Схема 4
Активная диатеза

Субъект (S)	Объект (Ob)
Подлежащее (П)	Прямое дополнение (Д _{пр})

Для глаголов, образующих пассивные конструкции в примерах (1), (2), — *ялагдах* 'быть побежденным', *идэгдэх* 'быть съеденным' — исходными глаголами являются *ялах* 'побеждать' и *идэх* 'есть, съесть'. Последние могут образовывать активные конструкции, соотносимые с указанными пассивными и отвечающие схеме 4: (6) *Манай цэрэг дайсныг ялсан* 'Наши войска победили врага', (7) *Зэв төмрийг идсэн* 'Ржавчина изъела железо'.

¹ Данное распределение суффиксов отвечает фонетическим признакам основ, которые не всегда отражаются современной орфографией. Ср. основу глагола *алах* 'убивать', оканчивающуюся на краткий гласный (фонетически: [ala]), и основу глагола *олох* 'находить', оканчивающуюся на согласный (фонетически: [ol]). Интересно, что старая графика, несмотря на все свои недостатки, имела то преимущество, что огласованность согласных в ней, как правило, отражалась. Ср. старописъм.: *alaqč, olqč*.

Немаркированные глаголы употребляются в активной конструкции, а маркированные (суффиксом *-гд*, *-д*, *-т*) — в пассивной, и, таким образом, опираясь на определение А. А. Холодовича: «Залог — грамматически маркированная в глаголе диатеза» [Холодович, 1979, с. 284], мы можем сделать вывод, что монгольскому глаголу свойственна категория залога, которая представлена в оппозиции немаркированных (активных) и маркированных (пассивных) форм².

Употребив слово «форма», мы остаемся в русле теории А. А. Холодовича, который подчеркивал словоизменительную, а не словообразовательную сущность залога [Холодович, 1979, с. 291]. Представляется, однако, возможным и другой подход к трактовке статуса залога (во всяком случае, по отношению к монгольскому языку), а именно противопоставление класса «активных» глаголов классу «пассивных» глаголов. При этом активными глаголами считаются те, в окружении которых реализуется активная диатеза (схема 4), а пассивными — те, в окружении которых представлена пассивная диатеза (схема 2 и 3). Такой трактовке способствует наличие в монгольском языке так называемого лексического пассива — реализация пассивной диатезы в окружении некоторых непроизводных глаголов [Кузьменков, 1980, с. 117—119]. Ср.: (8) *Үүслэн үрэг салхинд тасрав* 'Стадо облаков разорвало ветром' — здесь непереходный глагол *тасрах* 'разрываться, отрываться' образует конструкцию, в которой *Д_{дат}* — *салхинд* 'ветром' — обозначает субъект. Нетрудно видеть аналогичность данной конструкции и конструкции, образованной пассивом какого-нибудь переходного глагола, например: (9) *Үүлэн сүрэг салхинд туугдаж яваа* 'Стадо облаков гонится ветром' — здесь *туугдах* 'быть гонимым' — пассив от *туух* 'гнать'. По критерию, предложенному Дж. Гринбергом, возможность замены непроизводной лексемой того же класса свидетельствует о деривационном характере морфемы *-гд*, *-д*, *-т*³.

Необходимо отметить маргинальный характер лексического пассива для монгольского пассива в целом, т. е. немногочисленность непроизводных глаголов, образующих пассивные конструкции. Тем не менее список подобных глаголов мы не можем ни теоретически, ни практически ограничить, поэтому к лимитированному числу исключений из правила эти глаголы не относятся и критерий Гринберга, если мы его принимаем, здесь должен действовать.

А. А. Холодович, причисляя залог к словоизменению, ис-

² Традиционные термины, применяемые в монголистике, — «побудительный залог», «страдательный залог», «взаимный залог» — отражают лишь тот морфологический факт, что суффиксы «залогов» — суффиксы одного морфологического порядка (о понятии «порядок» см., например, [Глисон, 1959, с. 164]). Непосредственное отношение к залогу, в современном понимании этого термина, имеет только рассматриваемый здесь суффикс *-гд*, *-д*, *-т*.

³ Данным критерием Дж. Гринберг пользуется при классификации некорневых морфем. См. [Гринберг, 1963, с. 87].

пользовал понятие регулярности. Ср. его развернутое определение залога: «Залог есть регулярное (разрядка моя.— Е. К.) обозначение соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» [Холодович, 1979, с. 284]. Следует отметить, что понятие регулярности не является предельно ясным, хотя и используется довольно широко⁴. Это понятие можно уточнить, определяя его следующим образом: данная форма регулярна, если ее образование возможно для неограниченного числа лексем какого-либо класса за вычетом строго ограниченного (сравнительно небольшого) числа лексем этого класса. Иначе говоря, форма является регулярной, если ее образование не зависит от конкретного значения лексем, исключая ограниченный (закрытый) список лексем⁵.

Предположим, что регулярность в указанном смысле является необходимым признаком словоизменения, и рассмотрим, насколько регулярен монгольский пассив.

Данный вопрос имеет два главных аспекта: 1) регулярно ли присоединение суффикса пассива к основам данного класса глаголов (к основам переходных глаголов); 2) регулярно ли следующее соотношение, определяющее залог как категорию, свойственную монгольскому глаголу:

Схема 5

Активная диатеза	Пассивная диатеза
Основа переходного глагола + Ø	Основа переходного глагола + -гд (-д, -т)

Чисто морфологическая регулярность монгольского пассива бесспорна. Существует лишь очень небольшое число переходных глаголов, которые не присоединяют суффикс -гд, -д, -т. К такому относятся, например, *оочих* 'глотать' (о жидкости), *Үмхэх* 'брать в рот', *зажлах* 'жевать', *уух* 'пить'. Значения этих глаголов, как нетрудно заметить, довольно близки и предусматривают только одушевленный субъект и только неодушевленный объект. При таких участниках ситуации вообще действуют определенные стилистические, а иногда и грамматические запреты на употребление пассива (см. ниже, с. 60). Поскольку при данных глаголах не может быть других участников ситуации (т. е. участников, относящихся к другим семантическим типам), запрет на пассив распространяется и на морфологиче-

⁴ Ср., например, определение залога как категории, свойственной русскому глаголу, в работе [Храковский, 1981, с. 5—6].

⁵ Сходная идея используется Дж. Гринбергом при сегментации текста: «...если... граница является внутрисловной... максимальное количество вставляемых ядер строго ограничено» [Гринберг, 1963, с. 90].

ский уровень, и данные глаголы являются глаголами *activa tantum*⁶.

Список *activa tantum* теоретически ограничить, по-видимому, невозможно, но практически он весьма невелик и составляет пренебрежимо малую часть переходных глаголов. Таким образом, пассив можно считать морфологически регулярным.

Отношения, выраженные схемой 5, напротив, не могут считаться регулярными. Дело в том, что пассивная диатеза далеко не всегда реализуется полностью.

При кореферентности субъекта и объекта возникает рефлексивная конструкция. Ср.: (10) *Хүүхдүүдээ! Хөдөлж байгаа машинаас зүүгдэж болохгүй!* 'Дети! Нельзя цепляться за проезжающие машины!' (зүүгдэх — 'цепляться, вешаться' — пассив от зүүх 'вешать'); (11) *Ардын урлагийн охь шимээр цаг үргэлж тэжээгдэж байдаг юм* '[Профессиональное искусство] всегда питается соками народного искусства' (тэжээгдэх 'питаться' — пассив от тэжээх 'кормить'); (12) *Гэрлийн монтёр, сахалт залуу дээр Сангирынчингийн хүү нэмэгдэжээ* 'К электромонтеру и усатому молодому человеку прибавился сын Сангирынчина' (нэмэгдэх 'прибавляться' — пассив от нэмэх 'прибавлять'). Приведенным примерам соответствует рефлексивная диатеза:

Схема 6

S = Об
П

Эту модель, по-видимому, нельзя считать частным случаем пассивной: рефлексивы «не укладываются» в схему 5, так как не существует соотносительных с ними активных конструкций, т. е. по-монгольски нельзя сказать «цепляю себя», «искусство кормит себя», «сын Сангирынчина прибавил себя».

Многие пассивы имеют антикаузативные значения, и при них образуются конструкции, в которых субъект не выражается, например: (13) *Манай хүнс барагдсан* 'Наши съестные припасы исчерпались' (барагдах 'исчерпаться' — пассив от *барах* 'исчерпать, закончить') — здесь на выражение субъекта накладывается грамматический запрет⁷.

Часто встречаются и пассивы с результативным значением.

⁶ Монгольский ученый П. Бямбасан считает, что «теоретически любое прямое высказывание (*шууд хэллэг*) можно сделать страдательным» [Бямбасан, 1970, с. 260]. В подтверждение он приводит пример с пассивным дериватом *уугдах* 'быть выпитым' (от *уух* 'пить'). Это единственный известный нам факт употребления в пассиве глагола из числа *activa tantum*, не подтверждаемый ни одним другим нашим источником и отвергаемый большинством информантов.

⁷ Эту конструкцию Г. Д. Санжеев называет «ограниченной степенью употребления страдательного залога», имея в виду, очевидно, запрет на выражение субъекта. См. [Санжеев, 1963, с. 451]

Ср.: (14) *Хурал нээгдэв* 'Открылось собрание' (*нээгдэх* 'открыться' — пассив от *нээх* 'открыть'); (15) *Энд хоёр хадаас хадагдаггүй байна* 'Здесь не забыты два гвоздя' (*хадагдах* 'быть забытым' — пассив от *хадах* 'забывать, прибивать')⁸.

И антикаузативы, и результативы образуют диатезы, отличающиеся от пассивной:

Схема 7

S	Об
—	П

Для *нээгдэх* 'открываться' и *хадагдах* 'быть забытым' существуют соответствующие активные конструкции, образованные глаголами *нээх* 'открывать' и *хадах* 'забывать, прибивать': (16) *Дарга хурлыг нээв* 'Начальник открыл собрание', (17) *Би хадаасыг хадав* 'Я забил гвоздь'. Для *барагдах* 'исчерпаться' такого соответствия нет — глагол *барах* 'исчерпать' обладает другой сочетаемостью.

Подобные явления дают основания констатировать, что монгольский пассив, будучи морфологически регулярным для класса переходных глаголов, не отражает регулярного противопоставления активной и пассивной диатез, а представляет собой более сложную картину, а именно: один и тот же суффикс маркирует различные диатезы в зависимости от конкретного лексического значения исходного глагола, кроме того, пассив и актив не всегда прямо соотносятся друг с другом, т. е. зачастую актив отражает одну ситуацию, а пассив — другую или наоборот. Если мы сочтем регулярность необходимым признаком словоизменения, то мы должны признать, что присоединение к основе глагола суффикса *-гд*, *-д*, *-т* носит деривационный характер, поскольку оно этим признаком не обладает.

Таким образом, категория залога для монгольского языка представляется классной категорией — противопоставлением классов активных и пассивных глаголов, если рассматривать ее в свете обсуждавшихся здесь критериев⁹. Определение залога А. А. Холодовичем универсально настолько, насколько универсальны синтаксические и семантические единицы, однако статус залога как формы не представляется универсальным.

Перейдем к рассмотрению функционирования пассива в монгольском языке. В тех случаях, когда полностью реализуется схема 5 (см. выше), т. е. возможно и активное, и пассивное

⁸ Пассивные дериваты с результативным значением имеют морфологические корреляты в виде отглагольных дериватов на *-лттай* (*-аастай*) [Жамбалсүрэн, 1975, с. 255].

⁹ В данном случае нам кажется излишним введение компромиссного понятия «гиперлексема», обсуждавшееся в работах [Успенский, 1977, с. 81—82; Храковский, 1978, с. 60].

выражение данной ситуации [см. примеры (1) и (6), (2) и (7)], выбор актива или пассива связан с различными стилистическими факторами. Чем менее официальна речь, тем менее вероятен пассив. В бытовой, обыденной речи пассив употребляется крайне редко. Научная статья или заметка в газете, доклад, напротив, редко обходятся без пассивных конструкций.

Грамматическим основанием употребления пассива могут быть суперсинтаксические явления. Объект выдвигается на первый план высказывания: будучи подлежащим, он часто становится темой. Субъекту, выраженному синтаксическим актантом низшего ранга, отводится второстепенная роль, и он легче опускается, если упоминание о нем несущественно или он неопределен, неизвестен и т. п.

Кроме того, на употребление актива и пассива накладываются определенные ограничения, связанные с семантикой актантов — субъекта и объекта. Упоминание о таких ограничениях содержится уже в одной из первых грамматик монгольского языка — сочинении А. Бобровникова [Бобровников, 1849, с. 274—276], который дал ряд правил употребления активных и пассивных конструкций глаголов в определительных оборотах в зависимости от одушевленности/неодушевленности субъекта и объекта. Правила А. Бобровникова мы представили в следующей таблице:

Схема 8

Класс актанта		Может употребляться
Субъект	Объект	
1 одушевлен.	одушевлен.	и актив, и пассив только актив только пассив «средний глагол»* и актив, и пассив только пассив
2 одушевлен.	неодушевл.	
3 неодушевл.	одушевлен.	
4 неодушевл.	неодушевл.	
5 не выраж.	одушевлен.	
6 не выраж.	неодушевл.	

* Под «средними глаголами» А. Бобровников имеет в виду непроизводные глаголы, образующие конструкции с пассивной диатезой (в принятой нами терминологии — лексический пассив), и приводит пример: *салхинд унасан гэр* 'палатка, упавшая от ветра' [Бобровников, 1849, с. 275].

Для современного языка эти правила чересчур строги, их можно рассматривать как стилистические рекомендации. Однако тенденция к соблюдению этих ограничений в общем наблюдается, т. е. нарушения данных правил допускаются сравнительно нечасто.

Пятая строка в схеме 8 в изложении А. Бобровникова выглядит так: «...если действие... будет таково, что не может быть приписано этому предмету (объекту.— Е. К.) как лицу дейст-

вующему (т. е. определяемый предмет не может сам произвести этого действия), тогда должно употребляться причастие действительное. Например: *qarbiḡsan sibaḡu* 'застреленная птица', *uniḡsan morin* 'оседланная лошадь' (букв. 'стрелявшая птица', 'оседлавший конь'.— Е. К.)... если предмет сам может произвести то действие, которым он определяется... должно употреблять причастие страдательное. Например: *alaḡdaqı kümün* 'человек, который должен быть убит' [Бобровников, 1849, с. 276].

Эта идея — взаимозаменяемость референтов субъекта и объекта как условие употребления пассива — в дальнейшем была применена Г. Д. Санжеевым по отношению к пассиву в целом и вылилась в тезис о «субъектно-объектной обратимости» [Санжеев, 1963, с. 44]. «Субъектно-объектная обратимость» действительно является достаточным условием для возможности употребить пассив, но не является необходимым условием. Очевидно, что таких пар актантов и таких ситуаций, относительно которых соблюдалось бы условие обратимости, значительно меньше, чем возможностей употребления пассива, т. е. залог есть, а обратимости нет. На это справедливо указывает Ц. Б. Цыдендамбаев [Цыдендамбаев, 1979, с. 104]. В самом деле, если в примерах (1) и (6), где выражена ситуация «побеждать», субъект и объект могут менять референтов (т. е. победу могут одержать не только «наши войска», но и «враг»), то в примерах (2) и (7), где выражена ситуация «съедения железа ржавчиной», обратимости быть не может.

По-видимому, «субъектно-объектная обратимость» только частный случай более общих правил, которые мы предлагаем, так же как и формулировки А. Бобровникова, по отношению к современному языку считать тенденцией к определенным употреблением, а не строгими, ненарушаемыми условиями. Эти правила, на наш взгляд, таковы:

Правило 1. Одинаковыми возможностями образования активной и пассивной конструкций (если отвлечься от стилистических условий) обладают ситуации с семантически равноправными актантами. Равноправность актантов означает совпадение в категориях типа лицо/нелицо, одушевленность/неодушевленность и т. п. Например, равноправными можно считать такие актанты, как *дайсан* 'враг' и *цэрэг* 'воин, войско' — одушевленные, лица; *чоно* 'волк' и *хонь* 'овца' — одушевленные, нелица; *төмөр* 'железо' и *зэв* 'ржавчина' — неодушевленные. Ср.: (18) *Чоно хонийг идсэн* 'Волк съел овцу', (19) *Хонь чононд идэгдсэн* 'Овца съедена волком', см. также примеры (1) и (6), (2) и (7).

Неравноправность актантов не всегда означает, что свободная трансформация актива в пассив и пассива в актив невозможна. Иногда другие факторы оказываются весомее, чем сформулированное выше правило, например: (20) *Бор өнгөтэй ноорог цаасанд зурагдсан учир гурван зураг маань нугалаасаараа*

элэгдэж... [Цог, с. 69] 'Три наших рисунка протерлись на сгибах, так как были нарисованы на черновой, серой бумаге...'. Здесь *зурагдах* 'быть нарисованным' (пассив от *зурах* 'рисовать') употреблено в параллель к *элэгдэх* 'протираться' (пассив от *элэх* 'протирать, истирать'), глаголу частотному, широко употребляющемуся в результивном значении. Первая часть предложения, взятая изолированно, звучит по меньшей мере как стилистическая неточность: (21) *Гурван зураг ноорог цаасанд зурагдсан* 'Три рисунка нарисованы на черновой бумаге'. Естественнее выглядит в данном случае активная бесподлежащая конструкция: (22) *Гурван зургийг ноорог цаасанд зурсан* 'Три рисунка нарисовали на черновой бумаге'.

Отвлекаясь от явления такого рода, можно сформулировать правило, регулирующее образование активных и пассивных конструкций при семантически неравноправных актантах.

Правило 2. При участии в ситуации семантически неравноправных актантов в большинстве случаев отдается предпочтение конструкции с подлежащим, которому соответствует семантический актанта более высокого ранга. Ранг актанта устанавливается в следующем порядке: от высшего — лица, до низшего — предиката, как показано в схеме 9, где ранг актанта понижается слева направо:

Схема 9

Одушевленные		Неодушевленные			
Лицо	Нелицо	Стихия	Часть тела	Предмет	Предикат

Данная иерархия предлагается нами на основании исследования употребления пассивных конструкций, а также ряда каузативных и других трансформаций.

По правилу 2 из двух конструкций — (23) *Чоно Жаргалыг идсэн* 'Волк съел Джаргала' и (24) *Жаргал чононд идэгдсэн* 'Джаргал съеден волком' — вторая является более вероятной, так как в ней подлежащее характеризуется как лицо (*Жаргал* — имя человека), а в первой — как нелицо (*чоно* 'волк').

По-видимому, бóльшая, чем в данном случае, семантическая разница существует между актантами типа «одушевленный» и «неодушевленный», потому что для ситуаций с такими актантами уже действует запрет, а не просто предпочтение. Из двух конструкций — (25) *Хонь өвс идсэн* 'Овца съела траву' и (26) *Өвс хонинд идэгдсэн* 'Трава съедена овцой' — только первая считается возможной.

Из правила 2 выводятся два следствия.

Во-первых, некоторые ситуации допускают только один способ выражения — либо активной конструкцией, либо пассивной. Например, только в пассиве возможно выражение ситуаций ти-

па (27) *Дорж бодолд автав* 'Дорж охвачен думой', где объект относится к категории «лицо», а субъект — неодушевленный. Это правило тем строже, чем ниже ранг субъекта. Оно подтверждается и существованием глаголов *activa tantum*, которые обозначают ситуации, выражающиеся только в активе.

Во-вторых, достаточным условием для употребления пассива является наличие неодушевленного субъекта. Если при этом объект одушевленный, он может стать подлежащим в силу предпочтения (по правилу 2), а в том случае, когда объект неодушевленный, действует правило семантической равноправности актантов (правило 1).

Вне указанных правил стоят глаголы, для которых типичным является предикатный актант — объект. К таким глаголам относятся, например, глаголы восприятия типа *харах* 'смотреть, видеть', *сонсох* 'слушать, слышать' и т. п. Эти глаголы и их пассивные дериваты образуют конструкции, которые употребляются равноправно, без заметного предпочтения. Ср.: (28) *Би автобусны цонхоор олон хонь харав* 'В окно автобуса я вижу много овец' (актив), (29) *Автобусны цонхоор надад олон хонь харагдана* 'В окно автобуса мне видно много овец' (пассив).

Бобровников, 1849.— *Бобровников Алексей*. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

Бямбасан, 1970.— *Бямбасан П.* Орчин цагийн монгол хэлний үйл үгийн хэв, байдал.— Хэл зохиолын судлал. 8-р боть, 1—12-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1970.

Глисон, 1959.— *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
Гринберг, 1963.— *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков.— Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.

Жамбалсүрэн, 1975.— *Жамбалсүрэн Г.* Страдательный залог в японском и монгольском языках.— *StM*. 1975, t. 2 (10), fasc. 1—17.

Кузьменков, 1980.— *Кузьменков Е. А.* Лексический пассив и категория одушевленности в монгольском языке.— Вестник Ленинградского университета. Л., 1980, № 8.

Санжеев, 1963.— *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. М., 1963.

Успенский, 1977.— *Успенский В. А.* К понятию диатезы.— Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

Холодович, 1979.— *Холодович А. А.* Вопросы грамматической теории. Л., 1979.

Храковский, 1978.— *Храковский В. С.* Залог и рефлексив.— Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

Храковский, 1981.— *Храковский В. С.* Диатеза и референтность (К вопросу активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций).— Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.

Цог.— Цог (журн.). 1964, № 1.

Шыдендамбаев, 1979.— *Шыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.